

УДК 94(470)“1953/1963”

Деятельность Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Витебском облисполкоме (обллита) в период «оттепели»

Яковлева Г.Н.**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск**

Статья посвящена деятельности Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Витебском облисполкоме (обллита) в противоречивый период хрущевской «оттепели». Нахождение Витебского обллита при облисполкоме было достаточно формальным, т.к. обллит работал в тесном контакте с обкомом и райкомами КПБ. Именно в обком или райкомы обращался глава обллита в случае спорных вопросов или с просьбой повлиять на ведомства в плане улучшения работы по сохранению государственных секретов. Показано, что структура, функции и объем работы местного органа цензуры зависели от значимости региона в политической, культурной, научно-технической, военно-промышленной жизни страны. По сравнению с обллитами областей, которые были крупными культурными, научными, промышленными и военными центрами страны, где издавалось значительное количество научной и художественной литературы или находились действительно секретные объекты, объем работы местного обллита был не очень значительным, однако требования к ним были не менее жесткими. Огромное влияние на деятельность органов цензуры оказывали политические коллизии этого времени (частые смены политических элит). Деятельность Витебского обллита была направлена не только на реальную охрану военной и государственной тайны, но всегда носила идейно-политический характер и была ориентирована на жесткий контроль содержания всей печатной продукции, радио, телевидения, музеев, библиотек области именно с этих позиций. А в условиях повышенной секретности работники обллита часто охраняли не только реальные, но и огромное количество «псевдотайн».

Ключевые слова: политическая цензура, «вычерки», «оттепель», обллит.

(Ученые записки. – 2013. – Том 16. – С. 35–45)

Activity of the Vitebsk Region Administration Department of the Protection of Military and State Secrets in Mass Media during the Period of “Ottepel” (Warming)

Yakovleva G.N.**Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk**

The article centers round the activity of Vitebsk Region Administration Department of the Protection of Military and State Secrets in Mass Media (obllit) during the controversial period of Khrushchev “ottepel” (warming). Vitebsk obllit was only formally located at the Region Administration since it operated in close contact with the Regional and District Communist Party Committees. It was the region and District Party Committees which Head of obllit addressed in case of contradictory issues or with the request to influence institutions to improve work on preservation of state secrets. It is shown that the structure, functions and amount of work of the local censorship body depended on the significance of the region in the political, cultural, scientific and technological, military and industrial life of the country. In comparison with obllits of the regions, which were large cultural, scientific, industrial and military centers of the country and in which considerable number of scientific and fiction literature was published, or really secret objects were situated, the amount of work of the local obllit was not big, however the requirements to it were strict. Political collisions of that time (frequent changes of political elites) had a great impact on the bodies of censorship. The activity of Vitebsk obllit was directed not only to real protection of military and state secrets but also had ideological and political character and was oriented at strict control of the contents of all the printed product, radio, TV, museums, libraries of the Region from the point of view of these positions. Besides, in the conditions of the increased secrecy the obllit workers often protected not only real but also a great number of pseudo secrets.

Key words: political censorship, “cross outs”, “warming”, obllit.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 16. – P. 35–45)

Адрес для корреспонденции: e-mail: kviimk@vsu.by – Г.Н. Яковлева

Охрана государственных и военных тайн существует всегда и во всех государствах, а в современных условиях актуальность ее сохранения только возрастает, как и споры о том, что есть тайна и кто имеет к ней доступ. История политической цензуры в СССР нашла отражение в работах отечественных исследователей А. Гужаловского, В. Матоха, В. Ракашевича, А. Великого, В. Герасимова, Е. Сумко, Н. Пурышевой, Т. Протько и др. По этим проблемам стали уже классическими труды российских исследователей А. Блюма, Т. Горяевой, М. Зеленова, М. Глазкова. Однако предметом исследования белорусских историков являлось становление органов цензуры в 1920–1930-е гг. либо освещалась деятельность Главлита БССР в целом. Функционирование областных органов цензуры отдельному анализу не подвергалось.

Цель статьи – выявление особенностей деятельности Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Витебском облисполкоме (обллита) в противоречивый период хрущевской «оттепели».

Материал и методы. Работа выполнена на основе анализа документов делопроизводства Витебского обллита, отложившихся в Государственном архиве Витебской области (фонд 3991). Репрезентативность материалов фонда ограничена, т.к. были уничтожены копии многих приказов, сводки вычерков (купюр), переписка с местными партийными органами по вопросам цензуры, докладные записки, справки по проверке деятельности цензоров и ряд других. Тем не менее, анализ рассекреченных в 1990-е гг. приказов Главлита БССР, годовых отчетов Витебского обллита, протоколов производственных совещаний способен дополнить картину деятельности цензурных органов республики. Исследование основано на принципах объективности и историзма. В работе были использованы как общенаучные (анализ и синтез), так и специально-исторические методы (историко-генетический, ретроспективный).

Результаты и их обсуждение. Сложная политическая обстановка 1950-х гг. оказала серьезное влияние на органы цензуры в СССР. Постановлением Совета Министров СССР 15 марта 1953 г. Управление уполномоченного СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит при СМ СССР) было включено в состав МВД СССР под наименованием – Главное управление МВД СССР по охране военных и госу-

дарственных тайн в печати (11 главное управление МВД СССР). Однако после ареста Л.П. Берии в октябре 1953 г. 11 управление было выделено из состава МВД в самостоятельное Главное управление при СМ СССР [1]. Главкрайобллиты переходили в ведение исполкомов соответствующего уровня в качестве Управлений по охране военных и государственных тайн в печати.

Деятельность Главлита БССР и его местных органов (обллитов) строилась на основе строгого соблюдения союзных нормативных актов. Нахождение Витебского областного управления при облисполкоме было достаточно формальным, т.к. обллит работал в тесном контакте с обкомом и райкомами КПБ. Именно в обком или райкомы обращался глава обллита в случае спорных вопросов или с просьбой повлиять на ведомства в плане улучшения работы по сохранению государственных секретов. С 1947 г. Витебский обллит возглавлял П.В. Шепелев – член ВКП (б) с 1930 г., гвардии майор, бывший начальник отдела контрразведки «Смерш» третьей гвардейской танковой армии [2, л. 63]. После ликвидации Полоцкой области начальник местного обллита остался в Полоцке освобожденным старшим цензором, а зона ответственности Витебского обллита возросла. До 1955 г. в районы, где объем печатной продукции был незначительным, назначались цензоры-совместители (райлиты). В 1954 г. 15 райлитов по основному месту работы возглавляли отделы пропаганды и агитации соответствующих райкомов, а остальные 5 заведовали отделами райисполкомов. Это «соответствовало требованиям СМ СССР от 1 октября 1953 г., чтобы районные цензоры-совместители были ответственными работниками РК или райисполкома» [3, л. 11]. Когда Толочинский РК утвердил цензором кассира сберкасс, «...имевшую 7-классное образование и никакой политической подготовки...», обллит не согласился с ее кандидатурой и обратился в обком партии за поддержкой.

Цензоры обллита и райлиты осуществляли предварительный и последующий контроль за областной, районными и многотиражными газетами, радиопередачами, мелкопечатной продукцией (афиши, программы, плакаты и т.д.). Они контролировали деятельность типографий, фонды библиотек, книготорговые организации, букинистические отделы книжных магазинов, экспозиции музеев, репертуар местных оркестров, театра, концертных бригад и др. Цензоры не должны были пропус-

тить в печать сведения, составляющие военную или государственную тайну (отсюда – знаменитые купюры – «вычерки»). Также они осуществляли политико-идеологический контроль, вычеркивая материалы «идеологически невыдержанные, политически вредные, порочившие советскую действительность, обеднявшие облик советского человека, пошлые» и т.д. Нельзя было пропускать ошибки технического характера (опечатки, «политически неправильные переносы», неправильные формулировки, пропуски букв), которые могли в 1930–1940-е гг. трактоваться как вредительство или контрреволюционная вылазка замаскированных врагов.

Главной в деятельности цензоров была предварительная цензура, именно на эту часть работы ставили самых опытных и подготовленных работников. Часто цензоры перестраховывались, т.к. за излишнюю строгость было меньше серьезных последствий, чем за снисходительность. Райлитов последующим контролем проверяли штатные цензоры обллита, и их – цензоры Главлита БССР. Райлиты, занятые на основной работе, не уделяли должного внимания своим контролирующим функциям, поэтому в первую половину 1950-х гг. наибольшее количество случаев разглашения военной и государственной тайны приходилось на районную печать.

Начинавшаяся «оттепель», а скорее некая неопределенность, чувствовавшаяся в обществе в течение 1953–1955 гг., повлекла определенные изменения и в сфере цензуры. Цензура стала ограничивать восхваление Сталина. Республики получили право решать вопрос об издании многотиражных газет на фабриках и заводах без визы Главлита СССР. Главлиты СССР и БССР стали указывать цензорам на превышение ими полномочий при вмешательстве, перестали рассматриваться как сознательное вредительство встречающиеся опечатки. В годовом отчете Витебского обллита за 1953 г. говорилось: «Грубая политическая опечатка допущена в областной газете «Віцебскі рабочы». В № 192 от 30 сентября 1953 г. была опубликована «Нота правительства Франции» от 2 сентября 1953 г. по вопросу созыва совещания Министров иностранных дел. В конце четвертого абзаца в слове «Спраў» выпала буква «п» и таким образом это слово приняло смысл политической вульгарщины». Опечатка была пропущена редакторскими работниками, не заметил ее и цензор обллита Г., который читал номер последним. И хотя эта грубая опечатка была

адекватно оценена как «корректорская ошибка», сам факт обсуждался на заседании бюро обкома партии. Цензора Г. сначала сняли с работы, однако после апелляции в ЦК КПБ его восстановили на работе, но со строгим выговором по партийной линии [4, л. 5]. После этого случая цензоры области были проинструктированы, что они должны быть особенно внимательны и не пропускать политических ошибок, разного рода опечаток, политически неправильных переносов, неправильных оборотов и т.д.

Всего за 1953 г. обллитом было сделано 43 вычерка, из них 5 по идеологическим вопросам, а в 1954 г. – 49, но все перечневые. «Перечневыми» их называли потому, что они касались Перечня сведений, составлявших тогда военную и государственную тайну: номера воинских частей и их дислокация, цифры по промышленности, погрузке-выгрузке на железных дорогах, себестоимости продукции, цены на сданную продукцию, цифры о падеже скота, подготовка кадров по отдельным специальностям, дислокация тюрем и т.д. Документы обллита позволяют ощутить ту степень повышенной бдительности, которая царил в обществе и после смерти Сталина. Можно посочувствовать журналистам того времени, когда фактически любая информация об экономике или обороноспособности страны была государственной тайной. Страхуясь или не разобравшись в нормативных документах, райлиты умудрялись изымать объявление по радио о найме рабочей силы для работы в районах Арктики [5, л. 7]. Делали купюры в газетном сообщении о работе на целинных землях демобилизованного воина, о деятельности школьного стрелкового кружка, а в «Ученых записках» Ветинститута сняли упоминание о «Морском сборнике», который издавался еще в 1933 г.

Объектом строгого идеологического контроля являлась художественная мастерская г. Витебска. Не выпускался в свет без визы цензора ни один экземпляр картины, барельефа или портрета, сделанного в мастерской. Изготовленные портреты руководителей партии и правительства должны были соответствовать официально утвержденным Министерством культуры и Главлитом СССР эталонам. В 1954 г. на контроль было представлено 385 портретов и 56 картин, из которых было предложено переделать 12 портретов и 8 картин [3, л. 16]. В 1955 г. Главлит БССР указывал Витебскому обллиту, что ему на

контроль художники не представляли пейзажи, которые выпускались без визы цензора [6, л. 18]. Регулярно проверялся репертуар 20 концертных бригад и областного театра. Оркестры парка культуры и отдыха им. Фрунзе и ресторана «Аврора» представляли свой репертуар на контроль ежеквартально [4, л. 15]. Надо было определять цензорам и качество песен, создаваемых местными композиторами.

Важной частью работы цензоров в 1950-е гг. была чистка библиотечных фондов от «политически вредной и устаревшей литературы». Количество библиотек в городе и области постоянно росло. Если на 1 января 1954 г. в области были 1142 библиотеки, то в 1960 – уже 3718 [5, л. 7; 7, л. 29]. Объем работы цензора, который курировал библиотеки и книготорговую сеть (более 60 книжных магазинов, более ста киосков, около 50 складов), увеличивался и из-за политических событий. Вместе с работами Берии и Цанавы цензоры и библиотекари браковали литературу, которая восхваляла их и других вдохновителей и исполнителей массовых репрессий. В числе первых в апреле 1953 г. был изъят сборник статей «Бдительность – наше оружие». После улучшения отношений с Югославией необходимо было перестроить на идеологическом уровне отношение к ней внутри страны. Началось изъятие книг, порочащих эту страну и ее лидера И.Б. Тито (например, книги Н. Шпанова «Заговорщики»). Потом после отстранения от власти так называемой «антипартийной группы» пришлось изымать труды и портреты В. Молотова и Г. Маленкова. После Октябрьского (1957 г.) пленума, который вошел в историю как «дело Жукова», началось изъятие материалов об опальном маршале. Несмотря на жесткие требования по изъятию подобных материалов, даже в 1961 г. в ходе контрольно-выборочных проверок библиотек 6 районов области цензорами были обнаружены «материалы членов антипартийной группы» и брошюра Л.М. Китаева и Г.Н. Большакова «Визит дружбы. Пребывание Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в Индии и Бирме» [7, л. 35; 8, л. 17]. Не соответствовал уже политической конъюнктуре и роман В. Попова «Сталь и шлак», удостоенный в 1949 г. Сталинской премии и издававшийся миллионными тиражами.

В 1953 г. было изъято 43160 экземпляров книг, 3574 портрета, 990 грампластинок [4, л. 7, 12]. За 1954 г. уже было изъято 47632 экз. книг, 1868 грампластинок, 210 портретов, было отправлено 12 писем в райкомы партии по вопросам проверки и очистки книжных

фондов [3, л. 16]. Однако работа цензора А., отвечавшей за очищение книжных фондов, не удовлетворяла цензоров Главлита БССР, проверявших в 1956 г. библиотеки области. По мнению цензора Главлита БССР К., книжные фонды даже г. Витебска были значительно засорены политически вредной литературой, а в Витебском (сельском) РК КПБ она даже при беглой проверке обнаружила 7 наименований книг, подлежащих изъятию. Вопрос об ускорении очищения библиотек несколько раз обсуждался на производственных совещаниях обллита в 1956 г. [9, л. 2, 5, 6]. После проверок Главлита в Могилевской области временно закрыли несколько библиотек из-за высокой степени засоренности их вредной литературой. В Витебской области таких случаев не было, но начальник обллита не раз обращался в обком партии с просьбой принять меры по отношению к библиотекарям, руководителям областных отделов культуры, народного образования, облсофпрофа и ряда других ведомств, которые не предприняли всех необходимых мер по очистке книжных фондов от устаревшей литературы. Поскольку Министерства не требовали от своих ведомств проведения очистки книжных фондов, учета по проверке и изъятию литературы, то дело ограничивалось тем, что на справки обллита о результатах проверок ведомства только писали и рассылали приказы. Начальник Витебского обллита на производственном совещании в 1962 г. сетовал: «Наше положение фактически раздвоенное: документы на изъятие издают Главлиты, а те, кто должен выполнять требования документов, нам непосредственно не подчиняются» [10, л. 8, 10].

Главлит СССР требовал окончательно очистить библиотеки от запрещенной литературы к 1963 г. Огромные усилия, предпринятые на местах, обеспечили выполнение поставленной задачи. Знаменитые спецхраны – хранилища контрольных экземпляров изъятой из библиотек и магазинов «враждебной» литературы явно не пустовали.

В период «оттепели» органы цензуры выполняли одну достаточно необычную для них функцию – реабилитация писателей и их произведений. Как отмечает В. Матох, политическая оттепель давала о себе знать. «В 50-е гг. были реабилитированы (в т.ч. посмертно) белорусские писатели и общественные деятели, в свое время обвиненные в национал-демократизме, – Алесь Дудар, Валерий Моряков, Андрей Александрович, Александр Червяков, Николай Голодод и

др. Правда, их творчество реабилитировано не было – в январе 1959 г. председатель Главлитбела Садовский направил секретарю ЦК КПБ Горбунову докладную записку, в которой сообщал, что цензорами просмотрены все книги реабилитированных авторов. Садовский подчеркивал: «Считаем, что эту литературу, несмотря на то, что авторы реабилитированы, передавать в общие фонды нельзя – ее необходимо оставить в спецхранах» [11]. В ГАВО сохранилось 3 приказа Главлита БССР 1959 г. об исключении 25 авторов (ученых, общественных деятелей, писателей) из алфавитного списка лиц, произведения которых изымались согласно приказам Главлита БССР за 1937–1948 гг. [12, л. 8–10].

Цензоры были «самоучками», их социальный статус был невысок, объем работы постоянно возрастал, а зарплата и условия работы едва ли соответствовали тому уровню ответственности, которая лежала на штатных цензорах. Образовательный уровень витебских цензоров, как и в других обллитах, был невысок, в лучшем случае они имели среднее или незаконченное высшее образование. Так, цензор, курировавшая книжные фонды библиотек и книготорговых организаций области, имела 7-классное образование. Работа предполагала командировки в районы, цензоры, осуществлявшие предварительный контроль газет, часто вынуждены были работать по ночам. Например, старший цензор обллита Г., который все эти годы отвечал за предварительную цензуру областной газеты, подписывал ее в печать в 6–7 часов утра [9, л. 11]. Всегда существовала опасность сделать необоснованный вычерк, просмотреть чужую ошибку или опечатку, пропустить в печать или на радио «идеологически невыдержанный материал», не понять требований «Перечня», которые не всегда были точно и однозначно сформулированы. Цензоры перестраховывались, что приводило к необоснованным вычеркам, которые иногда носили анекдотический характер. «Нечего таить, и мы грешим: в делах Главлита СССР, к сожалению, тоже можно найти немало цензурных анекдотов. И в наше время есть цензоры, которые запрещают называть траву «суданкой», мотивируя свое вмешательство тем, что эта трава иностранного происхождения и для опубликования требуется разрешение чуть ли не Министерства иностранных дел...», – писал Н.С. Хрущеву о назревших проблемах цензуры начальник Горьковского обллита Ф. Боронин в 1956 г. [13].

Сложной была ситуация и с районными уполномоченными-совместителями, которые были загружены по основному месту работы. Качество их работы власть явно не устраивало, штатные цензоры обллитов в ходе последующего контроля выявляли много недоработок, необоснованных вычерков и т.д. В 1955 г. со стороны Главлита и ЦК КПСС возрастают требования к общеобразовательному (наличие высшего образования) и политико-профессиональному уровню цензоров. Необходимо было обновить кадровый состав и резко улучшить обучение цензоров внутри управлений. С 1 октября 1955 г. в структуре Главлита СССР были упразднены должности районных цензоров-совместителей [14, л. 2]. Формально количество цензоров уменьшалось, однако теперь обязанности контроля за сохранением военной и государственной тайны в районных и многотиражных газетах поручались редакторам газет. Резко возросла персональная партийно-профессиональная ответственность редакционно-издательских работников. На областном совещании редакторов газет в сентябре 1955 г. секретарь обкома и зав. отделом пропаганды «предупредили редакторов о серьезной ответственности и потребовали от них глубокого изучения перечневых ограничений, а также правильного применения их в практической работе, с тем чтобы не пропустить в печать сведений, не подлежащих опубликованию» [5, л. 6]. Теперь редакторов газет, их замов и ответственных секретарей необходимо было знакомить с материалами «Перечня», чтобы исключить нарушение его норм. «Вычерки», делавшиеся ранее цензорами, теперь осуществлялись в редакциях. Пресса оставалась такой же беззубой, но теперь во многом стараниями не цензоров, а через самоцензуру редакционных работников. Повышалась ответственность руководителей тех областных ведомств, которые имели библиотеки, за своевременную очистку фондов от устаревшей и политически вредной литературы. Основной задачей цензоров становился контроль деятельности библиотечарей в этом направлении, ознакомление их с требованиями по очищению книжных фондов и оказание помощи руководителям ведомств в решении этих задач, информирование обкома и райкомов партии о недоработках и проблемах в этом направлении.

В 1955 г. все районные цензоры-совместители были уволены, надо было приспособиться к новым условиям, потребовалось изменение состава штатных цензоров.

По итогам проверки в октябре 1955 г. Главлит БССР поставил перед начальником обллита П.В. Шепелевым 2 кадровые задачи: во-первых, потребовать от цензоров, не имеющих достаточной общеобразовательной подготовки, поступить в вузы, во-вторых, принимать на работу только людей с высшим образованием и способных обеспечить цензорский контроль над произведениями печати. Меры были приняты и в годовом отчете за 1957 г. уже констатировалось: «До 1957 г. в аппарате обллита работали действительно малоквалифицированные и политически слабо подготовленные люди. В конце 1956 и начале 1957 г. по договоренности с партийными органами уволены лица без высшего образования, а приняты по рекомендации парторганов подготовленные, политически грамотные и деловые. Сейчас все имеют высшее образование, кроме одного, который имеет среднее, но в цензуре 10 лет, и справляется» [15, л. 4]. Ситуация с кадрами стабилизировалась на долгие годы. В обллите работал начальник, старший цензор, 3 рядовых цензора, в Орше и Полоцке цензорский контроль осуществляли освобожденные уполномоченные. В 1958–1959 гг. была проведена аттестация всех цензорских работников обллитов и Главлита республики.

Руководство Главлита СССР и БССР без конца требовало от цензоров на местах чувства высокой политической бдительности, добросовестности, внимательности и ответственности в работе. Для повышения их политико-идеологического уровня были введены еженедельные политинформации, на которых изучались материалы партийных пленумов и съездов, по очереди сами цензоры делали обзоры на международные темы. Также они занимались в сети партийного просвещения при парторганизации облизполкома. В плане профессиональном от них требовалось доскональное знание «Перечня», всех инструкций по осуществлению отдельных видов цензуры, соблюдения требований в работе с секретными документами. Организовывались общие занятия по изучению документов, начальником обллита регулярно проводились индивидуальные собеседования с работниками, решались присылаемые из Минска серии учебных задач, которые были формой контроля учебы цензоров, проверки их знания «Перечня». Стали использоваться такие формы повышения квалификации, как доклады по отдельным разделам и параграфам «Перечня», консультации специалистов,

экскурсии на предприятия, стажировки в Минске и т.д. Начальник обллита должен был составлять подробную характеристику на каждого цензора, фиксировать в его личной карточке все случаи нарушения им инструкций по проведению проверок или норм «Перечня», необоснованных вмешательств и др. При условии недопущения цензорами перечневых и идеологических нарушений, необоснованных вычерков, а также активности по привлечению работников редакций к охране военных и государственных тайн, можно было поощрять их следующим образом: вынесение благодарности, денежная премия, назначение персональной надбавки. Огромен был объем тех форм учета и контроля, планов работы, отчетности, которые вели штатные цензоры. Иногда в связи с этим нервы не выдерживали даже у цензоров. В 1961 г. начальник Витебского обллита критиковал на производственном совещании цензора М. за то, что она «...высказывала свое отрицательное отношение к введению некоторых форм учета работы Обллита, мотивируя это тем, что это все формально, что это ничего не дает» [16, л. 35]. Скептически она, как, наверное, и другие цензоры, воспринимала формы повышения квалификации. Кстати, Главлит БССР без конца призывал работников управлений в областях неформально, глубоко, ответственно, качественно относиться к планированию своей учебы, работы, командировок. Планы надо было расписывать чуть ли не по минутам и заверять у начальника. В задачи старшего цензора входил контроль планирования, отчетности цензоров, оказание им помощи и т.д. Не всегда цензоры успевали и за политическими коллизиями, происходившими в стране.

Состоявшийся в 1956 г. XX съезд КПСС приоткрыл завесу над преступлениями режима, началось возвращение из лагерей уцелевших его жертв. Но уже в том же году произошли события в Польше и Венгрии, а затем последовали внутренние репрессивно-идеологические акции, которые должны были приструнить творческую интеллигенцию. Цензура вновь начинает ужесточаться. 27 ноября 1956 г. Секретариат ЦК рассматривал вопрос «О работе Главлита». В марте следующего года принято постановление ЦК под тем же названием. Начальник Главлита СССР К.К. Омельченко, занимавший этот пост свыше десяти лет, был снят с работы, на эту должность назначен заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК П.К. Романов, самый долголетний (свыше

20 лет) начальник этого ведомства. В постановлении подчеркивалось также отсутствие необходимой оперативности и настойчивости в изменении устаревших цензорских регламентов и инструкций. Отмечалось, что в связи с этим каждый цензор истолковывает их по-своему, превышая свои служебные полномочия, присваивая себе функции политредакторов, допускаются необоснованные вмешательства в произведения печати. С другой стороны, говорилось об ошибках руководства в подборе кадров, слабости парторганизации, «формальном отношении цензоров к своим обязанностям, неправильных взглядах на роль и значение советской цензуры в современной обстановке», отсутствии принципиальных позиций в отношении ошибок, допускаемых в печати. Оно обязывало Главлит «обеспечить коренное улучшение работы цензуры, повысить роль Главлита и его местных органов» [1]. Вместе с этим ограничивались контролируемые функции Главлита в отношении охраны государственной и военной тайны: из его компетенции был выведен политико-идеологический контроль. В целях улучшения работы органов цензуры было предложено следующее: разработать единый перечень секретных и других сведений, не подлежащих разглашению в открытых изданиях; «решительно улучшить руководство местными органами; наладить регулярную информацию редакций газет, журналов и издательств об основных требованиях цензуры, с тем чтобы привлечь самих работников печати к более активному участию в охране военных и государственных тайн» [1].

В 1957 г. был введен в действие новый единый «Перечень сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, передачах по радио и телевидению». В 1958 г. было утверждено новое Положение о Главлите СССР и новое Положение о Главлите БССР, в котором определились основные права и обязанности Главлита и его местных органов. В 1957–59 гг. новое руководство Главлита СССР провело всесоюзное, а в западных районах страны (Вильнюсе, Риге, Киеве) 3 кустовых совещания по разъяснению нового «Перечня» и нового Положения о Главлите.

В августе 1957 г. состоялось производственное совещание работников обллита с участием начальника Главлита БССР Л. Садовского, который отметил улучшение кадрового состава управления, рекомендовал для изучения нового «Перечня» отвести еже-

дневно два часа и в порядке живой беседы и обсуждения прочесть его сначала до конца, а затем каждый будет изучать его индивидуально. Садовский порекомендовал особо внимательно относиться к «контролю такого материала как “Ученые записки”». Необходимо смотреть нет ли в нем халтуры, и грифа “платно”. Советую Вам все подобные материалы показывать в ОК КПБ и считаться с его мнением», – настоятельно советовал Садовский [9, л. 46].

Стало сокращаться количество перечневых нарушений и необоснованных вмешательств. Редакторы и журналисты районных газет и заводских многотиражек, сами, став собственными цензорами, изучив ограничительные документы, научились предотвращать возможные ошибки. «Нарушений перечневых ограничений в районных газетах, которые выходят под ответственность редакторов, в 1956–57–58 годах не было», – отчитывался начальник обллита в Минск [17, л. 19]. В работе же штатных цензоров актуализировался последующий контроль. Однако цензоры и с высшим образованием иногда совершали ошибки. Поводом для производственного совещания обллита в феврале 1958 г. стало письмо Главлита БССР о серьезнейшей ошибке цензора Витебского обллита М., которая допустила грубое нарушение установленных цензорских ограничений и пропустила упоминание о существовании исправительно-трудовых лагерей в настоящее время [9, л. 58]. Кстати, кроме этого «секрета Полишинеля», нельзя было упоминать и о наличии товарищеских судов на предприятиях (!).

В конце 50-х – начале 60-х гг. количество нарушений Перечня и вычерков резко сократилось. В 1961 г. цензоры обллита сделали 11 вычерков (для сравнения – 34 в 1958-м) и 2 перечневых нарушения. Перечневые нарушения и необоснованные вычерки рассматривались теперь как чрезвычайное происшествие [8, л. 9]. Снятия материалов по политико-идеологическим соображениям из газет фактически исчезли, а если и производились, то только после согласования с соответствующими партийными органами, но, как указывал Главлит, без всякой ссылки на них. Наибольшие проблемы у цензоров вызывала деятельность редакций местного радиовещания и появившегося телевидения, областной и районных типографий. Старший цензор Гутин на производственном совещании в апреле 1958 г. ориентировал цензоров на вни-

материальное чтение материалов, чтобы в них не было безыдейности, искажения материалов политического характера. Особенно внимательно, по его мнению, надо было читать материалы радиовещания, т.к. «радиокомитет готовит передачу в спешке, приносит ей поздно, необработанную, с ошибками» [9, л. 67]. В феврале 1961 г. обллитом была подготовлена докладная записка секретарю обкома партии «Об имеющихся недочетах в содержании, оформлении и представлении на контроль в Обллит телепередач». В присутствии председателя областного Комитета по радиовещанию и телевидению и директора телестудии записка была обсуждена в отделе пропаганды обкома партии и «признана правильной» [8, л. 15]. Также в городе резко возросло количество издаваемых книг, брошюр, плакатов, авторефератов, «Ученых записок» местных вузов и другой научной продукции ряда научно-исследовательских учреждений города, предварительную цензуру которой проводил лично начальник обллита. Именно эта печатная продукция становилась самой проблемной, «взрывоопасной», особенно если издаваемые книги касались проблем истории, а также научно-технических исследований, связанных с обороноспособностью страны.

К концу 1958 г. Главлит БССР и его органы на местах осуществляли контроль над материалами 7 издательств, 10 республиканских, 7 областных, 161 районной газет, 45 журналов, материалами БелТА, теле- и радиовещания, проверяли всю печатную продукцию, издававшуюся на территории БССР. Контролировались фонды 18439 библиотек, 11 выставок, принималась продукция 5 художественных мастерских, контролю подлежали произведения искусства (драматургия всех жанров, эстрадные произведения, тексты музыкальных и вокальных номеров). Просматривалась печатная продукция, посылавшаяся частными лицами за границу, – на минском Главпочтамте, а также все ввозимые в СССР печатные издания – на Брестской таможне [18, с. 177–178].

На контроле находились экспонаты 25 музеев. В мае 1950 г. было издано постановление ЦК КП(б)Б «О мерах по ликвидации фактов разглашения государственных тайн в музеях». В Музее истории Великой Отечественной войны срочно изменили экспозицию, были изъяты даже карты дислокации партизанских отрядов и бригад во время войны. Секретными были объявлены почти все сведения

о крупнейших предприятиях БССР. То же происходило в других музеях страны. Так, по решению цензоров, изымались экспозиции в краеведческих музеях Витебска и Полоцка, музея К. Заслонова в Орше. В музее Витебска были изъяты плакаты, где приводились цифровые данные о потерях в живой силе и технике противника за время войны, суммарные данные о трофеях, захваченных вооруженными силами СССР [2, л. 60]. В 1953 г. дирекцию Витебского краеведческого музея еще раз строго предупредили о том, что музей не имеет права вывешивать ни одного экспоната без предварительного просмотра и разрешения обллита. Было сделано замечание о недопущении разглашения военной тайны в книге отзывов и предложений, где цензоры обнаружили отзывы военнослужащих с указанием номеров полевых почт и родов войск. После этого директором было даже решено вести книгу отзывов для военнослужащих отдельно [19, л. 20]. В 1956 г. в Лепеле, где не было освобожденного цензора, краеведческий музей был открыт под ответственность районного отдела культуры, директор проинструктирован и представил в обллит описи всех экспозиций. В 1957 г. в ВОКМ не был допущен к экспозиции альбом «Боевой путь Витебской дивизии», т.к. ряд его материалов подпадал под перечневые ограничения. Были также выявлены 2 записи в книге отзывов, которые разглашали дислокацию и условные наименования воинских частей [15, л. 24]. В 1958 г. не был допущен материал, раскрывавший выпуск металлорежущих станков заводами Витебска в 1957 г. С экспозиции областной выставки произведений художников области представители обллита сняли портрет Ленина, который, по их мнению, был недоработан и искажал образ вождя [17, л. 23]. После новой волны разоблачений Сталина на XXII съезде КПСС и на основании письма Главлита СССР от 19 мая 1962 г., требующего принятия мер, исключаящих демонстрацию в экспозициях музеев и выставок материалов и брошюр, прославляющих культ личности Сталина, пришлось срочно проверять музеи области на наличие соответствующих материалов. Ведь в Гомельском музее цензоры Главлита БССР обнаружили экспонаты, восхвалявшие культ личности Сталина, картины с членами антипартийной группировки. На картах и схемах сохранялись названия городов (Сталино, Сталинград, Молотово), которые Указом Президиума

Верховного Совета СССР были переименованы еще в 1961 г. Выговор за это получил начальник Гомельского обллита в 1962 г., а Пензенского – в 1963 г. [20, л. 5; 21, л. 49].

В 1958 г. было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по сохранению государственной тайны». В нем указывалось, что в учреждениях, организациях и на предприятиях снизились требования к обеспечению государственной тайны, нарушается порядок обращения с секретными документами, ослаблены охрана и пропускной режим. Учреждения обязывались усилить режим секретности с учетом своей специфики. 12 декабря 1959 г. ЦК КПБ принял постановление «О фактах разглашения государственных тайн в печати», в котором констатировалось, что в некоторых организациях и учреждениях республики нарушается режим секретности, закрытые сведения попадают в печать. К наиболее злостным нарушителям были отнесены редакции ряда республиканских газет («Советская Белоруссия», «Звезда», «Минская праўда», «Чырвоная змена», «Знамя юности»), а также Госкомитет по радио и телевидению и БелТА [22]. В 1960 г. комиссия из Москвы во главе с начальником Главлита СССР П.К. Романовым проверяла работу белорусских цензоров. В приказе Главлита СССР от 16 июня 1960 г. по итогам проверки была отмечена запущенность секретного делопроизводства, слабая работа с редакторами газет, шла речь о недостаточной информированности партийных органов о состоянии охраны военной и государственной тайны в печати [23, л. 7]. Впервые за 12 лет в декабре 1960 г. было допущено нарушение цензурских ограничений в областной газете «Віцебскі рабочы» [8, л. 7].

Начало 60-х гг. характеризовалось дальнейшей борьбой за соблюдение всех уровней секретности, повышение бдительности в сфере сохранения тайн научно-технического характера, ужесточением цензурского контроля за деятельностью полиграфических предприятий, где, по мнению Главлита СССР, наблюдалось значительное количество ошибок, которые приводили к тому, что допускались к печати статьи, брошюры, книги, содержащие секретные материалы или ошибки политико-идеологического характера. Часто цензоры не могли оценить сложную научную литературу, не соблюдали правил получения экспертных заключений. В 1962 г. Коллегия Главлита СССР приняла 3 постановления по

вопросам ужесточения цензурского контроля материалов научно-технического характера. 29 сентября 1962 г. бюро ЦК КПБ приняло постановление «О нарушении правил выпуска открытых произведений печати», в котором говорилось о выявленных Главлитом БССР грубейших нарушениях режима секретности на полиграфических предприятиях и в издательствах республики. В 1963 г. прошла аттестация руководящих работников типографий.

Попытки научной (например, И. Кона, П. Капицы) и творческой интеллигенции страны добиться хотя бы смягчения деятельности цензуры, призывы больше доверять собственному народу после сорока лет существования советской власти успеха не имели. А в контексте взаимоотношений Н.С. Хрущева с творческой интеллигенцией ситуация стала еще хуже. Не были реализованы и предложения по ликвидации предварительной цензуры в печати вообще. В феврале 1959 г. Главлит БССР вместе с Управлением искусства Министерства культуры республики начал проверять, весь ли репертуар белорусской эстрады и филармоний имел соответствующие разрешения Министерства и Главлита, а также его идейный и художественный уровень [12, л. 5]. Многие белорусские писатели получали многочисленные замечания цензоров по содержанию своих произведений. Именно в 1962–1963 гг. Главлит СССР жестко критиковал ряд обллитов за утрату политической бдительности и принял ряд решений по уничтожению или ограничению доступа в свободную продажу ряда книг и журналов (знаменитый литературный сборник «Тарусские страницы», сборник стихов А. Вознесенского «Мозаика»), пропущенных в печать региональными обллитами. Главлит СССР обнаружил, задержал и, по согласованию с обкомом КПСС, уничтожил тираж книги «Быт и культура сельского населения Советской Чувашии». В нем составители сборника «...неправильно использовали статистические материалы, характеризующие крайне низкий культурный уровень сельского населения Чувашии и неприглядное состояние санитарных условий и личной гигиены чувашского народа» [21, л. 19]. Не поступила в свободную продажу пропущенная Воронежским обллитом брошюра «под крикливым заголовком «Этого не должно быть» тиражом 3000 экз., которая посвящена проблеме борьбы с вшивостью среди населения Воронеж-

ской области» [21, л. 20]. Уничтожено пособие для студентов истфака Красноярского пединститута, в котором в списке основной литературы студентам предлагалось изучать доклады и речи участников антипартийной группы. За то, что «...не сумели стать во всех отношениях главными цензорами и не сумели мобилизовать сотрудников управлений на выполнение стоящих перед ними задач», был снят в 1962 г. со своих должностей ряд начальников главкрайобллитов, в том числе, и глава Главлита БССР Л. Садовский. Жесткой критике подверглись в 1962 г. Гомельский (за 5 нарушений Перечня за 1,5 года) и Брестский обллиты за допущенные нарушения перечневых ограничений.

Работников Витебского обллита «спасало» то, что здесь не было крупных научных центров, не издавалось литературных или специализированных журналов или монографий, требовавших от цензоров соответствующего уровня подготовки и повышенной ответственности. Объем работы был не очень сложным и не очень большим. Самым важным было не пропустить в открытую печать какую-либо информацию военного или промышленного характера: номер воинской части, упоминание военторга, КЭЧ, воинское звание местного депутата, фотографию, где видны воинские звания летчиков (!), выпуск продукции в абсолютных цифрах (например, выпуск электроэнергии за год или количество стекловолокна) и т.д. И все же надо было внимательно читать и оценивать содержание «Ученых записок» трех институтов, сборников научных статей, материалов научных сессий преподавателей местных вузов, итогов студенческих научных сессий. Просматривали цензоры материалы альманаха «Двина», сборники песен композиторов Витебской области [24, л. 142]. Витебские цензоры должны были внимательно читать все 30 местных газет, материалы радиовещания и телевидения как с точки зрения предотвращения перечневых нарушений, так и анализировать, обобщать их и с точки зрения политико-идеологического содержания, а затем вносить конкретные предложения по улучшению содержания газет и передач, а также по повышению качества цензорского контроля. Если не было обобщений итогов последующего контроля, не было конкретных предложений, с которыми можно было бы обратиться в обком или Главлит, то руководство в Минске делало вывод, что газеты цензорами читаются плохо, поверхностно, формально. Начальник Витебского обллита Шепелев, сетуя по поводу отсут-

ствия таких вопросов, которые можно было бы поставить перед ОК КПБ, говорил на производственном совещании в мае 1962 г.: «Быть не может, что газета не имеет недостатков, не бывает все хорошо. Создается мнение, что мы не умеем читать газеты, если ничего не находим» [10, л. 15]. А в ноябре 1962 г. указывал: «Даже в самых безобидных материалах могут быть ошибки, заслуживающие внимания цензора. Могут быть материалы, непосредственно не подпадающие под цензорские ограничения, но помещать их нельзя. Надо внимательно читать все заметки в газетах. Особое внимание надо обращать на разделы сатирического характера (оса, ежик, метла). Иногда излишнее обобщение фактов может привести к негативным выводам (Выделено нами. – Г.Я.)» [10, л. 50].

Парадоксально, но каких обобщений ждал от обллитов Главлит, на местах явно не очень понимали. Так, Гомельский обллит обобщил работу районных газет, но выводы, которые он сделал и сообщил в ОК КПБ, оказались «неправильными» [10, л. 23]. Цензор Витебского обллита Лазакович 4 года работал на последующем контроле всех районных газет, при проверке был критикуем за пассивность, т.к. не делал обобщений и предложений для обкома. Когда же в 1961 г. сделал два обобщения (об уровне грамотности ряда районных газет и антирелигиозной пропаганде на их страницах), вновь подвергся критике, так сказать, за «мелкотемье», и снят с последующего контроля. Теперь по рекомендации Главлита газеты на последующий контроль были распределены между всеми цензорами, но обобщений и предложений так и не появилось. А вышеупомянутые обобщения все же уволенного цензора фигурировали в отчете обллита за год уже как положительный пример.

С целью еще более жесткого контроля содержания газет, брошюр, материалов радио и телевидения Главлит стал требовать проверять последующим контролем всю продукцию сразу же после подписания ее «к печати» контролем предварительным, т.е. газет в полосах, книжно-журнальную продукцию в верстках. Все цензоры должны были работать на всех видах контроля.

В августе 1963 г. в структуре и функциях Главлита произошли очередные изменения. Его глава П.К. Романов разъяснял, что в соответствии с постановлением ЦК КПСС «Об упорядочении издательского дела в стране и повышении роли издательств в хозяйственном и культурном строительстве» от 1 августа 1963 г.

Главлит был включен в состав вновь созданного Государственного комитета Совета Министров СССР по печати [21, л. 34]. В сентябре был создан республиканский Госкомитет, в состав которого вошел Главлит БССР. На несколько лет его статус и роль снизилась.

Заключение. Охрана государственных и военных тайн существует во всех государствах. Но главной задачей советского Главлита была политико-идеологическая цензура. В своей деятельности он руководствовался указаниями не государственных, а политических структур – отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС, его идеологической комиссии. Главлит БССР тесно взаимодействовал с ЦК КПБ, облиты находились в постоянном контакте с обкомами КПБ. Структура, функции и объем деятельности того или иного Управления по охране военных и государственных тайн в печати определялись политической, научно-технической, военно-экономической ролью и значением этого региона в жизни страны. В 1950-е гг. объем работы цензоров Витебского обллита был относительно невелик, здесь не издавалась сложная научно-техническая литература или особо значимая художественная периодика. Если московские цензоры контролировали более 400 газет, то витебские – только 30 местных газет (и только одна из них – областная). Однако с конца 1950-х гг. количество издаваемых в области книг, брошюр, научных сборников возрастает, а значит и растет уровень требований по качеству предварительной и последующей цензуры.

В начале 1950-х гг. цензоры Витебского обллита активно устраняли из содержания печатной продукции сведения, запрещенные к публикации, собственноручно делали многочисленные исправления всевозможного характера, был высок показатель вычерков политико-идеологического характера. С 1955 г. резко возрастают требования к общеобразовательному и профессиональному уровню цензоров (наличие высшего образования), ликвидируется институт цензоров-совместителей, уже сами редакторы, журналисты стали цензорами самих себя и понимали, что можно, а чего нельзя печатать, и предоставляли отфильтрованную информацию слушателю и читателю. Несмотря на «оттепель», принципиальных изменений в работе цензоров не произошло, попытки хотя бы смягчить цензурные ограничения не уда-

лись. В условиях повышенной секретности цензоры, кроме реальных, охраняли и огромное количество «псевдотайн».

Литература

1. Горяева, Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. / Т.М. Горяева. – М.: РОССПЭН. – 407 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: referati.me>...politicheskayatsenzura...goryaeva.html. – Дата доступа: 12.06.2013.
2. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 2.
3. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 11.
4. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 10.
5. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 14.
6. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 12.
7. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 25.
8. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 36.
9. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 16.
10. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 30.
11. Матох, В. Цензура в БССР / В. Матох [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.belgazeta.by/ru/2007_07_23/arhiv_bg/14455]. – Дата доступа: 12.08.2013.
12. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 21.
13. Письмо начальника Горьковского обллита Ф. Боронина Н.С. Хрущеву [10 августа 1956 г.] // Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы. – Издательство Московской школы политических исследований, 2000. – 616 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Eartist. – Дата доступа: 12.08.2013.
14. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 1. – Д. 3.
15. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 19.
16. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 27.
17. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 20.
18. Ракашевич, В.К. Главлит БССР (1923–1991) / В.К. Ракашевич // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 1 / рэдкал.: Р.П. Платонаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелНДДАС, 2000. – С. 178–189.
19. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 17.
20. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 29.
21. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 32.
22. Гужалоўскі, А. Галоўліт БССР і палітычны кантроль у 1943–1991 гг. / А. Гужалоўскі // Беларускі гістарычны агляд. – Том 19. Сшыткі 1–2 (36–37). Снежань 2012 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: belhistory.eu>guzaloski-alyaksandr-galoŭlit-bssr. – Дата доступу: 12.08.2013.
23. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 26.
24. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2. – Д. 9.

Поступила в редакцию 16.09.2013 г.

Принята в печать 30.12.2013 г.